

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
(государственная академия)

Направление подготовки: АРХИТЕКТУРА 07.06.01

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
об основных результатах
подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации)

На тему «Ведомственное и кооперативное жилище в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов как социальный и архитектурный феномен»

Аспирант Князев Михаил Борисович

Научная специальность 05.23.20 Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

Научный руководитель: Овсянникова Елена Борисовна, кандидат архитектуры, профессор кафедры «Советская и современная зарубежная архитектура»

Кафедра подготовки: «Советская и современная зарубежная архитектура»

2018/ 2019 уч.г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ведомственное и кооперативное жилище в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов можно рассматривать как социальный и архитектурный феномен. Здания, возведенные как ведомственные и кооперативные, несомненно, отразили амбиции влиятельных заказчиков, лидеров советской экономики и культуры. Их высокий статус заказчиков обусловил уникальность внешнего облика таких домов, необычность пространства квартир в них. Ведомственные и кооперативные дома представляют не только исторический интерес, связанный с жизнью и деятельностью многих героев нашей страны, выдающихся ученых, писателей, художников, артистов и т.д. Прежде всего, такие дома представляют ценность с архитектурной точки зрения.

Достижения отечественного жилищного строительства второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов могут иметь большее значение для современных проектировщиков, решающих ряд серьезных проблем, среди которых наиболее важной является разработка проектов массового жилища, лишенного стереотипности и обладающего при этом экономической привлекательностью.

Несмотря на значительный объем литературы по истории советской архитектуры, тема ведомственных и кооперативных жилых домов до сих пор почти не раскрыта. Главное внимание уделялось до последнего времени весьма малому кругу таких объектов, давно вошедших в число признанных памятников архитектуры. До сих пор специалисты мало касались темы конкретной роли заказчиков в процессе проектирования этих объектов, которые нередко являлись представителями влиятельных советских организаций. Подобные объекты оставались вплоть до 2011 года за рамками работ исследователей.

В данной диссертации главное место отведено именно малоизвестным объектам такого рода, анализу их неординарных архитектурных решений,

опровергающих расхожее мнение о стереотипности всех жилых построек второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов.

Главная задача, поставленная перед собой автором данной диссертации, – восполнить этот пробел, и, тем самым, дать наиболее полную историческую картину Москвы своего времени и продемонстрировать возможности развития имеющегося архитектурного потенциала, не потерявшего своей значимости.

От выявления, учета и научной оценки такого наследия зависит решение проблем их охраны, как важной части городской исторической застройки. В данном аспекте важны мнения жителей, высоко ценящих архитектурный потенциал своих домов и выступающих за их сохранение.

Актуальность ценного исторического опыта проектирования уникальных ведомственных и кооперативных жилых домов второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов несомненна. Изучение этого опыта будет способствовать устранению засилья в отечественной архитектурной практике морально устаревших проектов, приводящих к однообразию жилой застройки многих отечественных городов.

Теоретической базой исследования является ряд работ отечественных историков архитектуры и архитекторов. О жилище рассматриваемого периода писали: М.И. Астафьева-Другач, Е.Ю. Багина, Г.Б. Бархин, А.Л. Баталов, И.А. Бондаренко, Ю.П. Бочаров, А.Ю. Брновицкая, Н.Н. Брновицкая, Н.П. Былинкин, Н.Ю. Васильев, Б.М. Великовский, Н.Д. Виноградов, В.Л. Глазычев, Е.В. Виленц-Горовиц, Г.Я. Вольфензон, Ю.П. Волчок, Т.А. Воронцова, Т.Н. Вятчанина, М.Я. Гинзбург, Э.А. Гольдзамт, К.М. Гудков, А.Э. Гутнов, А.С. Дуднев, Н.О. Душкина, М.В. Евстратова, А.В. Иконников, С.Ю. Кавтарадзе, И.А. Казусь, И.Н. Канаева, К.К. Карташова, Ю.И. Кацнельсон, Б.М. Кириков, Е.В. Конишева, Ю.Л. Косенкова, А.В. Крашенинников, М.В. Крюков, И.Г. Лежава, М.Л. Макагонова, Т.Г. Малинина, М.Г. Меерович, Н.А. Милотин, К.П. Михайлов, М.В. Нащокина, Е.Б. Овсянникова, О.В. Орельская, Н.А. Остерман, Н.Л. Павлов, О.А. Панин, В.Л. Пастушенко, И.Е. Печенкин, Р.Э. Рахматуллин, Б.Р. Рубаненко, А.В. Рябушин, Л.М. Сабсович, В.А. Самогоров, А.Н. Селиванова,

Е.Е. Соловьева, А.А. Стригалева, А.Г. Токарев, Л.И. Токменинова, Д.О. Швидковский, О.А. Швидковский, И.В. Шишкина, М.В. Шубенков, А.С. Щенков, В.Э. Хазанова, С.О. Хан-Магомедов, Р.Я. Хигер, Т.В. Царева, И.С. Чередина и др.

Впервые данная конкретная тема была затронута в монографиях: Овсянникова Е.Б., Васильев Н.Ю., Евстратова М.В., Панин О.А. Красная книга. Архитектура авангарда второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Москва. Справочник-путеводитель (М., 2011); Овсянникова Е.Б., Васильев Н.Ю., Воронцова Т.А. и др. Архитектура Москвы периода НЭПа и Первой пятилетки (М., 2012; 2014).

Важнейший вклад сделали авторы книги «Новые дома: Архитектура жилых комплексов Москвы 1920-1930-х годов» (М., 2012) – сотрудники Отдела культурного наследия НИИПИ Генерального плана Москвы Е.Е. Соловьева и Т.В. Царева. Эти исследователи поставили перед собой задачу публикации материалов по массовому жилищу, выстроенному, в основном, на основе типовых секций Моссовета. Они наглядно показали значительное число жилых комплексов и кварталов в Москве, тогда как ранее изучалось лишь весьма ограниченное их число и только в промышленных районах (Дубровка, Дангауэровка и др.), как и единичные экспериментальные дома, трактованные как прототипы для неосуществленного массового строительства (Дом Наркомфина и др.).

Гипотеза исследования состоит в новой оценке отдельно стоящих, встроенных в исторические кварталы центра Москвы, ведомственных и кооперативных домов, уникальных по своей структуре. Таких домов намного больше, чем ранее предполагали исследователи. Их уникальная архитектура достойна бережного сохранения как ценное культурное наследие.

Объектом исследования являются ведомственные и кооперативные жилые дома в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов.

Предмет исследования – специфика архитектурных решений ведомственных и кооперативных жилых домов, их социальная организация и структура.

Границы исследования: хронологические – вторая половина 1920-х – первая половина 1930-х годов; географические – Москва в ее современных границах.

Цель исследования состоит в определении феномена появления уникальной архитектуры ведомственных и кооперативных жилых домов в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов.

Основные задачи исследования

1. Изучить архивные материалы в государственных и частных архивах, публикации по теме в научной литературе рассматриваемого периода и в новейших источниках.
2. Выявить и проанализировать факты из повседневной жизни людей в условиях ведомственного и кооперативного жилища второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов в Москве.
3. Провести анализ особенностей архитектурных решений выдающихся объектов рассматриваемого периода и выявить актуальные аспекты этих решений для применения в современной проектной практике.
4. Рассмотреть охранный статус данных объектов и сформулировать рекомендации по совершенствованию процедуры его присвоения.
5. Сформировать список ценных зданий эпохи, обладающих признаками объекта культурного наследия, для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия.

Научная новизна исследования

В диссертации впервые детально раскрыта тема социальной мотивации жилищного строительства ведомственных и кооперативных домов в Москве. Показано их расположение в городе. Выявлены особенности их архитектурно-планировочных решений, рассмотрены характерные черты пространственного решения конкретных квартир в таких домах.

В данной диссертации главное внимание уделяется не широко известным произведениям сотрудников секции типизации жилища Стройкома РСФСР, а намного менее известным, хоть и довольно многочисленным. Рассмотрены

избранные объекты, архитектура которых отразила запросы людей разных профессий, разного возраста, разного социального круга.

В частности, приведены выявленные исторические факты о строительстве жилого комплекса для сотрудников НКВД в Большом Златоустинском переулке, о жилом доме 1-го кооператива «Военный строитель» на Тишинской площади и др., что позволяет устранить ряд ошибок в ранее опубликованных научно-популярных изданиях, расширив при этом справочную информацию о данных объектах.

Теоретическая значимость исследования состоит в новой интерпретации историко-архитектурного материала. Уникальные ведомственные и кооперативные жилые дома, которых было возведено не менее ста в историческом центре Москвы, в пределах Садового кольца и вблизи него, являются необходимой составляющей достоверной картины исторической картины. Ранее исследовалась, во-первых, массовая застройка жилых кварталов на городских окраинах Москвы с применением типовых секций Моссовета, во-вторых – проекты и немногочисленные постройки сотрудников Секции типизации жилища Стройкома РСФСР под руководством М.Я. Гинзбурга, не получившие массового распространения.

Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе в рамках курса «История отечественной архитектуры XX в.», а также в последующих исследованиях архитектуры ведомственного и кооперативного жилища в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов данной диссертации в современных процессах проектирования разнообразного и доступного жилища. Материалы исследования также могут послужить руководством для аргументации сохранения уникальных ведомственных и кооперативных домов как важнейшей части исторической застройки Москвы при составлении заявок на включение их в списки объектов культурного наследия.

Методология и методы исследования. В работе применен многофакторный анализ: натурное обследование зданий, изучение материалов в

государственных и личных архивах, публикациях своего времени, их систематизация, графоаналитический метод анализа чертежей.

Научные результаты, выносимые на защиту:

1. Ведомственные и кооперативные жилые дома в Москве – основная масса построенных во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов жилых объектов в пределах Садового кольца и вблизи него.

2. Характерные архитектурные приемы ведомственных и кооперативных домов, среди которых нестандартность их внешнего облика (объемная композиция, фасадные решения), уникальность квартирных секций и планировки самих квартир, отражающих социальный состав пайщиков. Удачный опыт проектирования рассматриваемых зданий должен учитываться в процессах проектирования современного доступного жилья.

3. Проведенный анализ архитектуры подобных объектов дает новое представление об исторической картине и возможность аргументировать их сохранение, за что выступают жильцы рассмотренных домов и неравнодушные горожане.

4. Рекомендации по модернизации процедуры присвоения охрannого статуса объектам рассматриваемого периода, в частности, показанные в диссертации архитектурные аспекты, которые могут повысить шансы попадания в списки объектов культурного наследия жилых домов второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов наравне с объектами второй половины 1930-х – 1950-х годов, более привлекательных в глазах широкой публики за сходные по комфорту квартиры и богатый декор фасадов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные результаты проведенной работы были опубликованы в десяти научных статьях, общим объемом 2,8 п.л., в том числе лично автором – 2,5 п.л. Из них четыре статьи общим объемом 2,0 п.л. – в изданиях, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ.

Отдельные положения исследования прошли апробацию в рамках выступлений на Международной научно-практической конференции «Наука,

образование и экспериментальное проектирование. МАРХИ» (Москва, 2018, 2019), XV Международной научно-практической конференции им. В. Татлина (Пенза, 2019).

Автор данной диссертации способствовал подготовке переиздания монографии «Красная книга. Архитектура авангарда второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Москва. Справочник-путеводитель», намеченного на 2020 г., предоставив материалы по некоторым ведомственным домам.

Структура диссертации. Диссертация включает в себя текстовую часть, состоящую из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, и графическую часть, содержащую иллюстрации и фотоиллюстрации к текстовой части, карты, графоаналитические таблицы и схемы, графические реконструкции, ранее не публиковавшиеся архивные фотографии и общий вид экспозиции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрыта актуальность темы исследования, связанная с недостаточно изученной категорией ведомственных и кооперативных жилых домов в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов и отсутствием отлаженной методики присвоения специального статуса подобным объектам и их дальнейшей охраны. Сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, научная новизна, положения, выносимые на защиту, указаны методы исследования, раскрыты теоретическая и практическая значимость, представлена степень достоверности и апробация результатов исследования.

1 глава. РОЛЬ СОВЕТСКИХ ВЕДОМСТВ И КООПЕРАТИВОВ В ЖИЛИЩНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

В разделе 1.1. Жилищные проблемы в Москве 1920-1930-х годов рассматривается проблема обеспечения москвичей жилищем на фоне его дефицита, обозначившегося в период Первой мировой войны из-за перевода в Москву ряда предприятий и учебных институтов, а также – развития промышленности. Говорится о переводе в советскую столицу в 1918 году многих правительственных учреждений (Совнаркома, наркоматов и их подразделений), и

о количественном росте местной администрации (подразделений Моссовета), скоплении в городе силовых структур (ОГПУ-НКВД и др.). Все это обусловило необходимость быстрее устранения жилищного кризиса, о чем публиковал ряд статей Н.Ф. Попов (Сибиряк), возглавлявший Московское управление недвижимых имуществ (МУНИ). Рассматриваются меры советского правительства по уплотнению квартир и домов, бывших до революции в собственности буржуазии, дворян, деятелей науки и культуры. Показано, что назрела необходимость нового строительства, организованного в 1924 году в разных формах. И это новое строительство пошло по нескольким направлениям:

1. Как муниципальное строительство новых жилых районов и отдельных кварталов на относительно большом расстоянии от центра города, вблизи заводов (Дангауэровка, Дубровка и др., всего почти тридцать наименований);
2. Как ведомственное строительство организаций всесоюзного и московского подчинения;
3. Как кооперативное строительство с пайщиками из тех же ведомств и частных лиц;
4. Как смешанная форма – муниципальная застройка с продажей квартир кооперативам.

В ходе исследования выяснено, что кооперативное строительство было настолько обширно, начиная в 1926 года, что государство вскоре приступило к его упорядочиванию и «орабочиванию» состава кооперативов, о результатах которого сказано в разделе 1.3.

В разделе 1.2. Размещение в городе ведомственных и кооперативных домов показана специфика получения участков под новое строительство влиятельными ведомствами (НКВД и др.). В частности, составлен список только кооперативных домов (с установленными историческими данными, включая названия). Их оказалось не менее ста наименований. Анализ их адресов таких объектов показал следующее: все они расположены или в пределах Бульварного кольца, или (основная масса) – в пределах Садового кольца и вблизи него. Не считая других домов, сходных по своим архитектурным решениям с точно

установленными как кооперативные, но до сих пор не изученных, оказалось большое скопление таких зданий в центральной части города. Данные, точно атрибутированные объекты нанесены на план-схему Москвы, что дает наглядную картину, фактически, массового строительства жилья ведомствами и кооперативами в самых густо заселенных районах с исторической застройкой.

Раздел 1.3. Социальная составляющая кооперативного строительства посвящен анализу исторических данных о статусе заказчиков новых домов и условиям оплаты их строительства. Поскольку сегодня стало ясно, что в большинстве случаев новые дома в историческом центре Москвы были кооперативными, то есть, - их жильцы выплачивали взятые на строительство ссуды, то очевидно, что при этом они могли влиять на принятые архитекторами решения. Этот, относительно малоизвестный и очень существенный исторический факт, отражает реальную жилищную политику советского государства, несмотря на пропаганду иной концепции, сводившейся к тому, что граждане получают от государства жилище бесплатно.

Примечательно, что во всех случаях, кооперативы даже чиновников и артистов назывались сокращенно РЖСК, то есть, - Рабочий жилищно-строительный кооператив, а далее его конкретное название указывало на профессиональный состав членов. Отсутствие или малое число собственно рабочих в их числе, тем самым, было закамуфлировано.

Отмечено, что намного сегодня сложнее судить о домах, выстроенных НКВД и предприятиями военного назначения. Однако и так можно сделать вывод о том, что фактически социальная сторона жилищной политики в СССР не афишировалась в советской прессе, направленной на агитацию за коллективный быт, имущественное равенство всех граждан, и гегемонию пролетариата. Последняя же имела место далеко не во всех сферах жизни. Иначе не решались бы задачи ни промышленного проектирования и строительства, ни гражданского, ни - создания научной и производственной базы, ни - увеличения обороноспособности государства за счет научных открытий и инженерных разработок, ни – профессиональной пропаганды советской образа жизни.

Сегодня стали известны по публикациям своего времени фактические данные о том, что и Моссовет продавал квартиры в домах с типовыми секциями членам кооперативов. В муниципальных домах были отдельные вкрапления кооперативов, члены которых были привлечены льготами в оплате квартир в типовых квартирных секциях.

Это правило относилось в большей степени к рабочим окраинам, где было развернуто массовое строительство. Поэтому можно сделать вывод о несоответствии практики реального заселения новых домов заявленному советскими идеологами принципу полного приоритета рабочих над прочими гражданами.

В этой главе говорится, в частности, о важной роли Г.Я. Вольфензона, давшего в своих публикациях, и прежде всего, в брошюре «Принципы проектирования кооперативных домов», масштабную картину жилищного строительства своего времени и бывшего автором ряда уникальных жилых объектов, самый известный из которых дом-коммуна кооператива «Жир-кость» (1-е Замоскворецкое объединение) бывшей парфюмерной фабрики Ралле (с 1920-х годов - «Свобода»). Это опытный зодчий-практик призывал к разнообразию квартир, рассчитанных на самых непохожих жильцов разных профессий, состава семьи, с разным инженерным оборудованием.

Говорится о строительных кооперативах, обслуживавших ведомства и жилищные кооперативы. Таким кооперативом был «Военный строитель», о доме, выстроенным которым для своих сотрудников и заказчиков – военных высших чинов был построен дом по адресу: Тишинская площадь, 6 (архитектор П.Н. Андреев) с применением новейшей технологии «тепlobетон». Ее внедряла русско-немецкая организация «Русгерстрой». И судя по воспоминаниям жителей этого дома (В.А. Юрасовой и др.) даже подполковники отдавали значительную часть своей зарплаты в счет выплаты ссуды, взятой на строительство своих квартир.

Раздел 1.4. Динамика развития жилищно-строительной кооперации посвящен темпам роста жилищного строительства с привлечением средств граждан и регулированию государством этого процесса. Отмечено, что по мере развития и укрупнения собственной финансовой базы, росли и отпускаемые пайщикам кредиты, изменялись также и самые условия кредитования. Эти условия становились доступнее (с 25 лет и 3% по ЦКБ и 45 лет и 2% по Горбанку, до 60 лет и 2% для каменного строительства), как писали аналитики своего времени.

Установлено, что в числе самых крупных кредиторов был Моссовет, но он субсидировал массовое строительство на городских окраинах, где в ряд домов вкрапливались кооперативные пайщики.

Говорится также о процессе укрупнения кооперативов в 1925-1926 годах, и как сказано в прессе своего времени, «на 1927 год по плану намечено слить 200 кооперативов, и к 1/1 – 1928 г. в числе строящих оставить только 90». И, что особенно характерно, официально говорилось о том, что «аристократизм» кооперативов (РЖСКТ) должен изживаться.

Сделан вывод о том, что самыми мощными строительными кооперативами были: «Бауманский строитель», «Военный строитель», «Обрабстрой», «Основа» и «Обрабстрой» (Объединённое рабочее строительство), организованный в 1925 году, а в июне 1930 года присоединён к кооперативу «Бауманский строитель».

Говорится также, что РЖСКТ «Обрабстрой» руководил архитектор А.М. Рухлядев, и многие проекты для построек выполнял он сам, как и другой известный советский архитектор, автор многих жилых домов в рабочих посёлках, - М.И. Мотылёв (главный архитектор проектного бюро треста «Сокстрой»). Тем самым подтвержден тезис о взаимосвязи муниципального строительства силами треста «Сокстрой» и кооперативного.

Основные выводы по первой главе:

1. Кооперативных домов в центре Москвы было явно больше, чем с квартирами, предоставленными бесплатно жителям, в том числе и сотрудникам солидных ведомств.

2. Располагались такие дома в пределах территорий, ранее очерченных стенами Белого города (внутри Бульварного кольца) и Земляного города (Садового кольца).

3. Все дома такого рода были встроены вовнутрь существующих кварталов, за исключением редких случаев, когда были вынесены за пределы Садового кольца.

4. Социальный состав ведомственных домов был далеко не пролетарским.

5. Даже крупные военачальники были вынуждены оплачивать строительство своего жилища как члены ведомственных кооперативов.

6. Укрупнение кооперативов и увеличение льгот для пайщиков способствовало расширению их социального состава.

Глава 2. АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕДОМСТВЕННЫХ И КООПЕРАТИВНЫХ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Раздел 2.1. Кооперативные дома как внутриквартальная застройка посвящен проблемы планировки и застройки Москвы, на фоне которых решались вопросы землеотвода для ведомств и кооперативов. Показана неслучайность резкой критики в 1925 году Н.Ф. Поповым (Сибиряком), заведующим МУНИ, ведавшим всем недвижимым имуществом города, первого послереволюционного генплана «Новая Москва» (его разработкой руководил А.В. Щусев в 1918-1928 годах). Дело в том, что охранительная позиция, занятая Щусевым по отношению к исторической застройке, мешала ведомственному и кооперативному строительству. Ведь никто из чиновников и влиятельных деятелей науки и искусства не собирался выезжать из центра на рабочие окраины. Отмечено, что о строительстве новых жилых домов в центре Москвы открытых дискуссий не было, так же, как и о том, что социальный состав жилищный кооперативов, вовсе не состоял из одних рабочих. Эта информация оставалась «между строк», хотя,

как показывает анализ застройки такими домами внутриквартальных территорий центра города, наблюдалась массовость этого явления.

Отказавшись от проекта «Новая Москва, деятели Моссовета и МУНИ сделали ставку на значительно более абстрагированные предложения инженера путей сообщения С.С. Шестакова, к тому времени опубликовавшего свою схему «Большая Москва» (1925) и ратовавший за снос многих исторических зданий вокруг Кремля, в Китай-городе и вблизи него, а не только за развитие Московской агломерации, как это сделал раньше и Б.В. Сакулин, работавший с А.В. Щусевым. Малоизвестно, что нигилистическая позиция С.С. Шестакова развязала чиновникам руки, и они сами стали заниматься землеотводом без оглядки на профессионалов. И речь зашла, в результате, о сносе огромного числа московских церквей ради строительства новых общественных зданий, а также – жилых домов.

Далее в этом разделе говорится о дискуссиях в московской печати об архитектурных качествах новых домов, цитируются соображения на эту тему Г.Б. Красина, инженера, первого директора Комитета государственного института сооружений (КОМГОСООР), родного брата наркома внешней торговли Л.Б. Красина.

Говорится об одном из заседаний Жилищно-строительного комитета Моссовета 1927 года, где было признано необходимым дать строительным конторам директивные указания по архитектурной обработке жилых домов в районах массовой застройки, в том числе на планировку дворов, оштукатуривание фасадов и их окраску для достижения «благоприятных зрительных эффектов».

Выдвинут тезис о том, что по сравнению с массовой застройкой рабочих окраин, относительно малочисленные, как было принято думать до сих пор, кооперативные дома, но фактически рассеянные по всему центру города, оказались намного разнообразнее. Они были и двух- и трех-, и четырех-, и пятиэтажные. И компактные, возведенные, видимо, для кооперативов самых влиятельных чиновников в 1925-1926 годах, и весьма внушительных размеров, с целым рядом корпусов. Не столь претенциозный характер квартир и более

демократичный состав жильцов имели пяти-шести этажные дома, постройки 1927-1930-х годов. В них - значительное количество квартир на этаже.

Цитируется по этому поводу статья «Архитектурное оформление зданий жилищной кооперации Москвы» в журнале «Строительство Москвы» С.П. Леонтовича и Д.С. Меерсона, московских архитекторов-практиков, в которой указаны проблемы такого строительства и показана динамика, наблюдавшаяся в процессе преодоления именно архитектурного однообразия кооперативных домов. Особое место эти зодчие отвели корпусам кооператива «Московский служащий» (Большой Каретный переулок, 17. Архитектор В.К. Олтаржевский), дому кооператива «Московский почтовик» (Большая Бронная, 8. Архитектор А.Г. Туркенидзе) и др. Во всех случаях они отмечали двухцветную окраску фасадов и удачное их членение горизонтальными плоскостями. Однако сегодня окраска фасадов сделана без какого-либо учета архитектурной ценности таких домов.

В диссертации рассмотрена деятельность в сфере жилого строительства В.К. Олтаржевского, автора не только упомянутого дома в Большом Каретном переулке, но и дома Малой Бронной (30/1. 1927), и дома в Скертном переулке (21, 1925), которые совершенно разные по архитектуре, с квартирами в одном и двух уровнях (в Скертном переулке), разной площади и конфигурации.

Раздел 2.2. Авторские версии архитектурных решений квартир в ведомственных и кооперативных жилых домах Москвы посвящен «авторским» версиям таких построек, выполненных в духе общеевропейской новаторской архитектуры. Уникальные черты их структуры, планировки разнообразных секций и самих квартир можно видеть на приведенных примерах. Это дом кооператива Лыоторг (Малая Бронная, 26. 1926) на 32 квартиры, снесенному впоследствии дому Госстраха в Дурновском переулке (1925-1927), домам «Коопстроя ВСНХ» (Садовая-Кудринская, 21. 1927-1928), состоящий из трех корпусов; дом кооператива МУНИ (Малая Бронная, 11-13), спроектированным Б.М. Великовским. Во всех упомянутых случаях эти здания возникали не на пустырях, а среди плотной застройки центральной части города. Всегда общая форма зданий обусловлена конфигурацией участка. Все подобные

дома имеют сложные очертания планов и часто - непрямолинейное сочленение квартирных секций, в отличие от домов с типовыми секциями Моссовета, составленных в форме прямоугольных параллелепипедов.

Все квартиры в таких домах выполнены по индивидуальным проектам. Они ощутимо отличаются одна от другой по площади и по конфигурации. Это позволяла строительная технология, типичная для Москвы. Дело в том, что кирпичная кладка позволяет выкладывать стены любой формы и не делать ставку только на повторении стандартных модулей. Как опытный практик, Великовский чаще всего располагал рядом с лестницами санузел, чтобы изолировать жилые комнаты от шума. Он остроумно группировал вентиляционные каналы и др. коммуникации. Можно сказать, что планировки послереволюционных секций его домов имеют сходство с квартирами в дореволюционных доходных домах, например, в домах Лунца и Меркеля (1911-1914), возведенных по его проектам.

Показано, что на сходные приемы ориентировался и А.Я. Лангман, работавший в мастерской Великовского, начиная практиковать в рамках Стройдомбюро. Лангман, как видно по приведенным примерам, был ключевой фигурой в сфере ведомственного жилищного строительства для сотрудников ОГПУ-НКВД. С 1927 года он возглавил Стройдомбюро - проектную контору, работавшую с 1925 года под началом Б.М. Иофана. Официально она трактовалась как организация, выполнявшая проекты опытных жилых домов для рабочих. На самом деле это было подразделение Строительного отдела ОГПУ (НКВД). Именно в нем Лангман смог выполнить проекты многих интересных объектов. Поскольку в 1920-е годы практически вся строительная деятельность в Москве в той или иной мере была под контролем этого отдела, то архитекторы из Стройдомбюро могли получить привилегии в отношении материалов или - нестандартных архитектурных решений зданий. Таковы дома, выстроенные по проектам Лангмана и Л.З. Черикова. В частности, необычный для своего времени жилой дом ОГПУ на улице Мархлевского, 9 (современное название - Милотинский переулок). Это, построенное в 1927-1928 годах трехэтажное

здание, со скругленными углами, состоящее из трех блоков. Главный вход обозначен углублением между боковыми ризалитами, вертикальным окном парадной лестницы и круглым окном над ним. Планировка четырех и пятикомнатных квартир здесь такова, что ни одна из них (трех на этаже) не примыкает к другой. Между квартирами размещены лестницы, которых в доме также три. Как видно, на строительстве этого дома не экономили. Из каждой квартиры есть свой выход, изолированный от соседей (квартиры здесь получили высшие чины ОГПУ, среди них ставший позднее наркомом внутренних дел СССР Г.Г. Ягода).

Говорится также об элегантном жилом доме по адресу: проспект Мира, 46а, – малоизвестном произведении А.Я. Лангмана. Важное место отведено жилой комплексу для сотрудников НКВД в Большом Комсомольском переулке, 3/5, стр. 1 (современное название – Большой Златоустинский переулок), выстроенному по проекту Л.З. Черикова и Н.И. Арбузникова под руководством Лангмана в 1933-1935 годах. Это типичный пример использования сотрудниками НКВД своего влияния на городские власти, позволившие им сломать монастырь. Тем самым была получена строительная площадка рядом с главным офисом НКВД на Большой Лубянке. А довольно большой освободившийся участок позволил сделать уютный двор перед семизэтажным корпусом 3/5, в котором были квартиры самого высокого качества, в отличие от расположенного в глубине квартала еще одного корпуса, в котором были квартиры попроще и где Л.З. Чериков получил квартиру. Четырехэтажный общественный корпус здесь вмещал клуб со столовой, детский сад и ясли, комнаты общежития и парикмахерскую. Над ним сохранилась плоская кровля с перголой. Но внешне импозантный этот объект был закрыт для посетителей из города, что было типично для многих других ведомственных объектов. Такие факты говорят о том, что за внешней демократичностью образов многих ведомственных домов с простыми формами фасадов скрывалось закрытое и четко ранжированное пространство. И высокое качество оснащения квартир и внешней отделки квартир не афишировалось. Такова была и неброская одежда

сотрудников ОГПУ, и даже членов советского правительства, не исключая и И.В. Сталина.

Высказано предположение, что архитектурное решение жилых корпусов в Большом Златоустинском переулке было фактически повторно использовано для строительства неподалеку еще трех домов для НКВД по проекту Л.З. Черикова и Н.И. Арбузникова – восьмизэтажного, с 38 квартирами, на Рождественском бульваре, 5/7 (1934); в Большом Сухаревском переулке, 5,9, и в Пушкарёвом переулке, 8, хотя недоступность материалов Строительного отдела НКВД не позволяет уточнить эту версию.

Рассматриваются также кооперативные жилые дома опытного московского архитектора В.М. Маята, наиболее выразительный из которых находится на Смоленской площади (на углу Садового кольца и Арбата, 54/2. 1928), с магазином; дом кооператива «Обрабстрой» (Басманный тупик, 10/12, архитектор В.К. Кильдишев, 1931).

Говорится о жилом доме в Брюсовом переулке 17, выстроенный для кооператива «Диск», состоявших из артистов Московского художественного театра (МХТ). Возглавил этот кооператив А.В. Щусев. В данном доме МХТ отмечено явное выполнение особых запросов великих деятелей искусства: квартиры с анфиладой комнат, количество которых доходит до двенадцати, и почти все они смежно-изолированные, видимо, чтобы можно было создать единое пространство для репетиций или - больших застолий. Но и можно уединиться, чтобы позаниматься уединенно. Такую планировку артисты могли себе такое позволить, они были «нужны народу», как писали журналисты в свое время, и имели средства, т.к. получали периодически гонорары, а не только скромную зарплату.

В этой главе затрагивается весьма спорный вопрос о взаимосвязи творчества Великовского, Лангмана, Маята, Черикова и других авторов, произведения которых были рассмотрены, заказанные ведомственными и

кооперативными заказчиками, с основными положениями конструктивизма. Прагматичные архитектурные решения для климатических условий Москвы были во всех случаях лишь сильно адаптированной версией модной архитектурной стилистики, заявленной в декларациях группировки ОСА (Объединения современных архитекторов) как основной творческий метод. Надо сказать, что это метод был мало применим и самими конструктивистами, вынужденными считаться с требованиями жизни (мы не рассматриваем в данном случае проблемы искаженности всех без исключения произведений архитектуры авангарда). На практике они не могли повсеместно использовать индустриальные технологии, тогда как мастера, имевшие опыт работы с дореволюционными заказчиками, успешно проводили в жизнь свои замыслы, хоть и не выдвигали никаких манифестов.

Раздел 2.3. Конструктивные решения новых домов и их продвижение в архитектурную практику посвящен рассмотрению традиционных методов строительства, характерных для зодчих-практиков Москвы. Дело в том, что гражданские здания по возможности строили с минимальным применением металла, цемент и др. качественных материалов, которые шли на строительство новых заводов. Более того, жилище оставалось на втором плане относительно общественных зданий. В результате, очевидные конструктивные решения заменялись на разные «сложносоставные» (именно под таким углом зрения конструкции советских зданий 1920-х годов были рассмотрены А. Заливако), показавшей на основании прессы тех лет разнообразные формы общепринятых конструкций тех лет.

Как характерный пример неиндустриальных технологий строительства с большим количеством ручных работ приведен кооперативный дом «Показательное строительство» (не широко известный образец с железобетонным каркасом (на Гоголевском бульваре, 8), а в рамках деятельности того же кооператива другой, не столь разрекламированный в прессе дом, имеющий адрес: Гоголевский бульвар, 27. Его автор, архитектор Д.Г. Числиев осуществил дерзкий

замысел, который никак не вписывался в тенденцию типового массового строительства в Москве. Он осуществил облицовку фасада своей постройки арктиским туфом, привезенным из Армении (он же написал книгу «Арктические строительные туфовые лавы и конструкции из них». М., 1932). Такой уникальный для Москвы материал не мог быть применен для массового жилищного строительства. Его использовали считанное число раз (в ходе строительства поселка «Сокол», для облицовки зданий Центросоюза Ле Корбюзье и Дома книги Б.М. Великовского).

Кирпичная кладка была в Москве самым распространенным материалом. Эта технология способствовала исполнению фасадов сложной формы (с закругленными формами, с орнаментальной облицовкой и т.д.). Из кирпича хорошо получались типичному для конца 1920-х – начала 1930-х годов горизонтальные тяги, полочки, пояски и рифленые поверхности на фасадах, обрамления длинных рядов окон в горизонтальные «кассеты» и «рамки». Часто такие приемы были направлены на имитацию модных горизонтальных окон. Все эти приемы как раз и были в кооперативном строительстве.

Основные выводы по второй главе:

1. Массовое строительство ведомственных и кооперативных домов не афишировалось в советской прессе, но наблюдалось повсеместно в центре Москвы.
2. В сравнении с типовыми секциями Моссовета, в ведомственных домах можно видеть большее число комнат, значительное число ризалитов и эркеров, придающих своеобразие и уют интерьерам и динамику уличным фасадам.
3. Рассмотренные постройки архитектора Б.М. Великовского, А.Я. Лангмана, В.М. Маята, Д.Г. Числиева, А.В. Щусева и др. отличались такими уникальными приемами компоновки, как полная изоляция квартир, примыкающих к лестницам (дом НКВД в Милотинском пер., А.Я. Лангман); анфиладное построение смежно-изолированных комнат (дом МХТ в Брюсовом

пер., А.В. Щусев); компоновка функциональных блоков со сдвижкой (дом ВСНХ, Б.М. Великовский) и др.

4. Московские ведомственные и кооперативные дома необходимо трактовать как ценное архитектурное наследие. Сегодня жители города намного выше ценят уникальные решения рассмотренных архитектурных объектов, чем исполненные в более прогрессивных конструкциях, в том числе и «эталонные» дома с типовыми секциями Стройкома РСФСР, не выдержавшие проверку временем по разным причинам (отрицанием жителями архитектурно-социальных концепций их организации, отсутствия ремонтов и пр.).

Глава 3. ВЕДОМСТВЕННЫЕ И КООПЕРАТИВНЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА 1920-1930-Х ГОДОВ В МОСКВЕ КАК АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Раздел 3.1. Вновь выявленные памятники архитектуры и объекты, признанные памятниками. В Москве сохранилось не менее ста ведомственных и кооперативных домов второй половины 1920-х – 1930-х годов, заказчики которых сегодня точно установлены. Но в силу незначительного числа научных работ, посвященных этому кругу архитектурных объектов, можно предположить, что их намного больше. Как было показано в диссертации, как правило, в основе их проектов были уникальные, а не типовые проекты. Не надо доказывать, что практически все они высоко ценятся жителями за качественные квартиры, а также – за удобное расположение в центре города, ставшем в последние годы самой элитарной частью городской застройки.

Как ни парадоксально на первый взгляд, лишь около десяти зданий из этой значительной группы примечательных построек сегодня числится памятниками архитектуры (объектов культурного наследия).

В данной главе говорится о вновь выявленных объектах культурного наследия: жилой дом работников Курской железной дороги с административными помещениями и магазинами (Земляной вал, 27, с. 1); жилым домом кооператива «Научные работники» (дом преподавателей ВХУТЕМАСа). 1928 (А.В. Самойлов, М.П. Коржев, В.А. Петров, М.А. Туркус. 1-й Зачатьевский пер., 13); жилых домах

электrozавода и текстильной фабрики «Красная заря», отчасти кооперативными. Это целый большой квартал. Авторы его застройки И.С. Николаев, М.М. Русанова, Г.М. Мапу. (1928-1930. Преображенский вал, 24, к. 1-6, 8. Ул. Девятая рота, 14); жилые дома по адресам: Мытная, 48; 50; 52 (1930-1932); жилым доме № 15/25 в Сивцевом Вражке (Н.А. Ладовский, инженер Д.Н. Лебедев (1930); и уже упоминавшийся дом в Басманном тупике кооператива «Обрабстрой» (В.К. Кильдишев), которые приняты на учет в Мосгорнаследии относительно недавно и под нажимом их жителей и краеведов, а также - российским отделением международной общественной организации DoCoMoMo. Все остальные, выдающиеся произведения того же периода А.Я. Лангмана, Л.З. Черикова, А.В. Щусева и др. вовсе не памятники. Заявки на их включение в число объектов культурного наследия или не были направлены, или — не были приняты во внимание.

Характерно, что собственно архитектурные достоинства были приняты во внимание лишь при рассмотрении дома в Сивцевом Вражке, 15/25, причем даже без каких-либо убедительных доказательств, что автором его проекта был А.Н. Ладовский.

Однако, рассмотрены примеры однозначно трактованных как памятники объектов: жилой дом на Малой Бронной (Малая Бронная, 30/1. 1925-1927. Архитектор В.К. Олтаржевский); жилой дом (Брюсов пер., 12. 1928-1932. Инженер И.И. Рерберга) и др., говорят о том, что главным аргументом включения которых в реестр памятников Мосгорнаследия была вовсе не архитектура, а факты проживания, в первом случае Н.П. Смирнова-Сокольского, артиста и библиофила, а во втором случае - В.Э. Мейерхольда. Поэтому, в отличие от дома 15/25 в Сивцевом Вражке, жилой дом кооператива «Научные работники» (Сивцев Вражек, 4. 1930-1950-е годы) даже и без указания авторства вошел в число выявленных памятников, так как в нем жили академик-патолог А.А. Богомолец (кв. 4) и др. ученые.

Получается, что архитектура как таковая редко служит аргументом для сохранения московских зданий, если она не имела соответствующего признания специалистами, многократно публиковавшими свои работы с упоминанием зданий.

В числе примеров такого рода описанные С.О. Хан-Магомедовым районы массовой застройки (в том числе и кооперативными пайщиками). Это Хавско-Шаболовский жилой район. Почти все его дома числятся памятниками, несмотря на сильные искажения внешнего облика (но с сохранившейся необычной планировкой). Разумеется, к этой группе относятся и жилой комплекс «Дом Наркомфина», и уникальный дом-мастерская К.С. Мельникова, ставшие давно «брендами» архитектуры авангарда.

Все перечисленное говорит о важности введения в массовое сознание сведений об архитектурном наследии такого рода и необходимости совершенствовать методику выявления памятников архитектуры.

Раздел 3.2. Предложения по включению в перечень объектов культурного наследия ведомственных и кооперативных жилых домов Москвы представляет собой аннотированный перечень избранных уникальных ведомственных и кооперативных домов, описанных и упомянутых в диссертации как характерные примеры выдающихся произведений зодчества. Подчеркивается, что многие из них до сих пор не вошли в число памятников потому, что до последнего времени не принималась во внимание их архитектурная ценность, а учитывались чисто исторические сведения о конкретных жителях, прославленных деятелях науки, искусства и т.д. Отмечается, что предстоит большая практическая работа для того, чтобы изменить эту традицию, и для этого будут полезны материалы данной диссертации, а также публикации ее автора.

Основные выводы по третьей главе:

1. На первый план вышла проблема современной реконструкции и реставрации такого наследия. В связи с этим открываются перспективы изучения

и популяризации малоизвестных ведомственных и кооперативных жилых домов 1920-1930-х годов.

2. Архитектурные достоинства ведомственных и кооперативных домов практически не принимались во внимание. И если эта ситуация не изменится, мы можем лишиться значительной части высококачественной застройки Москвы. Наиболее остро этот вопрос стоит в ходе реновации жилых кварталов Москвы, поскольку были замечены далеко не единичные случаи включения в списки сносимых зданий даже памятников архитектуры.

3. В число памятников архитектуры до сих пор почти не входят многие замечательные жилые дома с нетиповыми архитектурными решениями, созданными для ведомств и кооперативов в рассматриваемый период, в отличие от общественных зданий (клубов, фабрик-кухонь и др.), давно признанных памятниками.

4. Как правило, решающим фактором признается историко-культурная составляющая – проживание в домах известных деятелей культуры и науки, выдающихся военные и т.д.

5. Важной причиной постановки на учет архитектурного наследия стало упоминание в научной и популярной литературе и авторство известных зодчих.

6. Охране наследия такого рода способствует активная позиция граждан, подающих заявки для включения в списки объектов культурного наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании приведенных в диссертации материалов и проведенного их анализа подтверждена заявленная гипотеза исследования:

Ведомственное и кооперативное жилище в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов можно рассматривать как социальный и архитектурный феномен. Здания, возведенные как ведомственные и кооперативные, несомненно, отразили амбиции влиятельных заказчиков, в числе которых были лидеры советской экономики и культуры. Высокий статус таких заказчиков обусловил уникальность внешнего облика таких домов, необычность

пространства квартир в таких домах, несмотря на относительную скромность бюджетов, отведенных на строительство. Ведомственные и кооперативные дома представляют, как исторический интерес, связанный с жизнью и деятельностью многих героев нашей страны, выдающихся ученых, писателей, художников, артистов и т.д., так и с чисто архитектурной точки зрения. Архитектурные приемы, примененные зодчими, их авторами, актуальны, потому что перед сегодняшними проектировщиками стоит до сих пор нерешенная задача - разработка проектов массового жилища, лишенного стереотипности, позволяющего избавиться от однообразия застройки, не теряя привлекательных экономических параметров.

Исследованные в ходе работы над диссертацией объекты необходимо сохранить как важнейшую часть городской застройки исторического центра Москвы. Ведь налицо уникальность их архитектурных решений. Это позволяет считать достоверными следующие положения, сформулированные как основные выводы, которые дают новое представление об исторической картине периода НЭПа и двух первых пятилеток. Эти выводы могут способствовать аргументации для сохранения таких уникальных объектов, за что выступают их жильцы и другие горожане-москвичи.

В качестве приложения к диссертации ее автором составлен список кооперативных домов, расположенных в пределах Садового кольца и вблизи него, а также список зданий, достойных быть включенными в реестр объектов культурного наследия.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Охарактеризован феномен строительства во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов в историческом центре Москвы не менее ста ведомственных и кооперативных домов по индивидуальным проектам, в основном – с северо-западной, западной и северо-восточной сторон Белого и Земляного города, а также – вблизи Земляного города.

2. Нестандартность внешнего облика (объемной композиции зданий, их фасадов и архитектурных деталей), уникальность квартирных секций и планировки квартир, часто многокомнатных, с эркерами, встроенными шкапами и т.д., специфика инженерного оборудования - отражали разный социальный состав пайщиков, особенности их профессий и степень влиятельности в советском обществе, хотя значительный ряд выдающихся по архитектуре домов рассматриваемого периода, проектировщики и заказчики которых до сих пор пока не определены, можно предположительно отнести их к категории ведомственных и кооперативных, что открывает перспективу для дальнейших исследований.

3. Архитектурные достоинства ведомственного и кооперативного жилища, рассмотренного в диссертации, могут быть приняты во внимание в ходе сегодняшнего адресного проектирования жилых домов относительно невысокой стоимости. Опубликованные автором диссертации материалы помогут найти нетривиальные архитектурные приемы, рассчитанные на конкретное городское окружение.

4. Выводы, сделанные в ходе данного исследования, дают новое представление об исторической картине периода НЭПа и первых двух пятилеток. Они могут способствовать аргументации для сохранения таких уникальных объектов, за что выступают их жильцы и многие другие горожане-москвичи.

5. Выявлена необходимость корректировки принципов охраны архитектурного наследия XX века в целом, а не только задача отбора уникальных жилых домов второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов для включения в списки культурного наследия. Несмотря на то, что в последние годы именно историческое жилище подвергается притязаниям коммерческих застройщиков, и эта тема широко обсуждается в социальных сетях, она до сих пор не выносилась на страницы профессиональной печати.

Рекомендации по практическому применению результатов исследования заключаются в использовании предложенного автором диссертации перечня избранных уникальных ведомственных и кооперативных домов Москвы второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов для

постановки их на учет как выявленных объектов культурного наследия. Принять во внимание материалы диссертации в ходе сегодняшнего проектирования разнообразного и доступного жилья, использовать их для ремонтно-реставрационных работ.

Перспективы дальнейшей разработки темы состоят в углубленном изучении объектов, упомянутых в диссертации как предположительно ведомственные и кооперативные жилые дома, весьма ценных с архитектурной точки зрения, с использованием для этого до сих пор недоступных архивных материалов Совнаркома и ВЦИК, ОГПУ-НКВД, ВСНХ и др.; во включении таких зданий в число объектов культурного наследия; в подготовке научно-популярных изданий и учебных пособий по теме диссертации.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Князев, М.Б. Архитектура ведомственного и кооперативного жилища межвоенной Москвы [Электронный ресурс] / М.Б. Князев, Н.Ю. Васильев // Архитектура и современные информационные технологии (Architecture and Modern Information Technologies) [авт. 75%]. – М.: МАРХИ, 2019. – №1(46). – С. 41-55. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2019/1kvart19/03_knjazev_vasilev/index.php. – 0,5 п.л.
2. Князев, М.Б. Ведомственные жилые дома Москвы в творчестве архитекторов А.Я. Лангмана и Л.З. Чериковера [Электронный ресурс] / М.Б. Князев // Архитектура и современные информационные технологии (Architecture and Modern Information Technologies). – М.: МАРХИ, 2019. – №1(46). – С. 73-83. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2019/1kvart19/05_knjazev/index.php. – 0,6 п.л.
3. Князев, М.Б. Архитектура доходных домов в творчестве Б.М. Великовского / М.Б. Князев, Н.Ю. Васильев [авт. 50%] // Архитектон: известия вузов. – 2019. – №3(67). – В печати.

4. Князев, М.Б. Ведомственные и кооперативные жилые дома 1920-х – 1930-х годов в Москве как архитектурное наследие [Электронный ресурс] / М.Б. Князев // Архитектура и современные информационные технологии (Architecture and Modern Information Technologies). – М.: МАРХИ, 2019. – №3(48). – В печати.

В других научных изданиях:

5. Князев, М.Б. Из истории жилого комплекса для сотрудников НКВД / М.Б. Князев // Сборник «Наука, образование и экспериментальное проектирование. МАРХИ» Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов 2–6 апреля 2018 г. – Т.1. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 175-176. – 0,1 п.л.

6. Князев, М.Б. Архитектура жилого дома в творчестве архитектора А.Я. Лангмана / М.Б. Князев // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ [Электронный ресурс]: материалы международной НПК 2–6 апреля 2018 г. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 96-97. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 0,2 п. л.

7. Князев, М.Б. Динамика развития жилищно-строительной кооперации в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов / М.Б. Князев // Материалы XV Международной научно-практической конференции им. В. Татлина, 15 февраля 2019 г. – Пенза, 2019. – С. 68-69. – 0,1 п.л.

8. Князев, М.Б. Социальная составляющая ведомственного строительства в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов / М.Б. Князев // Материалы XV Международной научно-практической конференции им. В. Татлина, 15 февраля 2019 г. – Пенза, 2019. – С. 69-72. – 0,2 п.л.

9. Князев, М.Б. Из истории жилого дома кооператива «Военный строитель» / М.Б. Князев // Сборник «Наука, образование и экспериментальное проектирование. МАРХИ» Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых

ученых и студентов 8–12 апреля 2019 г. – Т. 1. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 181. – 0,1 п.л.

10. Князев, М.Б. Факты из жизни кооператива «Военный строитель» (по воспоминаниям В.Е. Юрасовой) / М.Б. Князев // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ [Электронный ресурс]: материалы международной НПК 8–12 апреля 2019 г. – М.: МАРХИ, 2019. – В печати. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 0,15 п.л.

АСПИРАНТУРА МАРХИ 2019